

К. В. ХВОСТОВА

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДЕ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИХ ЗАВИСИМЫХ КРЕСТЬЯН

Современная медиевистика придает важное значение демографическим проблемам¹. Соответственно и в византиноведении неоднократно обсуждались различные вопросы демографии — как города, так и деревни². В серии исследований этого рода особое место занимают работы, трактующие демографические проблемы позднего времени (XIV—XV вв.) — периода обострения внутренних и внешних противоречий, демографического спада³. Наряду с вопросами численности населения, соотношения жителей по полу и возрасту большое значение придавалось и проблемам миграции сельского населения⁴.

В литературе рассматривались и такие важные явления, связанные с развитием демографических процессов, в частности с миграцией, как увеличение множества заброшенных земель и целых сел⁵. Особое вни-

¹ См., например: Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии: Рефератив. сб. ИНИОН. М., 1984.

² *Schneider M.* Die Bevölkerung Konstantinopols im XV. Jahrhundert // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philol.-hist. Kl. 1949. Bd. 9; *Jacoby D.* La population de Constantinople à l'époque byzantine: un problème de démographie urbaine // Byzantion. 1961. Vol. 31; *Якобсон А. Л.* О численности населения средневекового Херсонеса // ВВ, 1968. 19; *Dölger F.* Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für Athosklöster Iberon // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Kl. N. F., 1949. H. 28; *Charanis P.* Observations on the Demography of the Byzantine Empire // Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies. L., 1967. Демографические сведения содержатся в ряде общих работ: *Tafarli O.* Thessalonique au XIV^e siècle. P., 1913. P. 16; *Максимовић Љ.* Византијска провинцијска управа у доба Палеолога. Београд, 1972. С. 152; *Lemerle P.* Agrarian History of Byzantium from the Origins to the Twelfth Century. Galwai, 1979; *Antoniadis-Bibicou H.* Problèmes d'histoire économique de Byzance au XI^e siècle: démographie, salaires et prix // Byzantinoslavica. 1967. 28 (2); *Ostrogorsky G.* Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954; *Kondov N.* Demographische Notizen über die Landbevölkerung aus dem Gebiet des unteren Strymon in der ersten Hälfte des XIV. Jahrhunderts // Etudes Balkaniques. Sofia, 1965. Т. II—III; *Он же.* За броя на населението в България към края на XIV в. // ИП, 1971. Кн. 5; *Idem.* Das Dorf Gradec // Etudes Balkaniques. 1971. 3; *Ostrogorskiy G.* Radolivo // PBU, 1961. 7; *Jacoby D.* Phénomènes de démographie rurale à Byzance aux XIII^e, XIV^e et XV^e siècles // Etudes rurales, 1962. 5/6; *Осинова К. А.* К проблеме присельничества в Византии (X—XII вв.) // ВО, М., 1977; *Laiou-Thomadakis A. E.* Peasant Society in Byzantine Empire: A Social and Demographic Study. Princeton, 1977; *Svoronos N.* Le domaine de Lavra sous les Paléologues // Actes de Lavra. P., 1982. Vol. IV.

³ Помимо ряда указанных работ, см.: *Рэнсимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983; *Dennis G. T.* The Reign of Manuel II Paleologus in Thessalonica (1382—1387). Roma, 1960; *Hrochová V.* Byzantská města ve 13—15. století. Pr., 1967; *Сметанин В. А.* Проскафимены поздневизантийского времени // ВВ. 1982. 42; *Хвостова К. В.* К вопросу об употреблении термина «злевер» в византийских описях XIII—XIV вв. / ВВ, 1983. 44.

⁴ *Dölger F.* Op. cit. S. 23—30; *Laiou-Thomadakis A. E.* Op. cit. P. 267—298; *Svoronos N.* Op. cit. P. 147.

⁵ *Antoniadis-Bibicou H.* Villages désertés en Grèce: Un bilan provisoire // Villages désertés et l'histoire économique, XI—XVIII^e siècles. P., 1965. Ср.: Lavra. III, N 136, passim.

мание исследователи уделяли проблемам перемещения лиц, не зафиксированных в государственных кадастрах, так называемых свободных (элеветров) и «чужих» (ксенов), «неизвестных казне». Представители названных мигрирующих групп были, с одной стороны, свободны в том смысле, что они не являлись чьими-то париками, а с другой — были свободны от уплаты податей. Косвенное свидетельство той роли, которую играли миграционные процессы, — наличие технического смысла (хотя и не лишённого многозначности) у выражений, обозначающих мигрирующее население (проскафимены, элеветеры, ксены).

Определенное (значительно меньшее) внимание уделялось и миграции париков, т. е. крестьян — держателей чужой земли, титул собственности на которую принадлежал какому-либо физическому или юридическому лицу. Следуя сложившимся в советском византиноведении традициям, мы будем называть париков зависимыми крестьянами, имея в виду не столько личную зависимость (которая существовала на практике, хотя юридически и не была оформленной), сколько отсутствие собственнических прав на землю, поземельную зависимость, связанную с выполнением определенных повинностей, прикрепление к тяглу, лимитирующие хозяйственную активность.

В поздней Византии крестьяне — держатели земли (титул собственности на которую принадлежал крупному собственнику), прикрепленные к тяглу и обязанные уплатой налогов, те, которые традиционно назывались париками, не всегда обозначались этим наименованием. В источниках встречается ряд других обозначений, например проскафимены, птохи, люди, апоры, проживающие⁶. Поэтому для обозначения соответствующего слоя целесообразно использовать условное выражение «зависимые крестьяне».

Меньшее внимание исследователей к миграции зависимых крестьян по сравнению с тем, которое уделялось миграции элеветров и ксенов, «неизвестных казне», во многом объясняется сравнительной бедностью сведений источников на этот счет. Тем не менее здесь все же имеются определенные достижения. На основе сравнительного анализа имен париков, зафиксированных в разновременных практиках, относящихся к одним и тем же общинам (*χωρίον*), исследователи пришли, в частности, к выводу о том, что через промежуток в 20 лет более 50 % имен полностью исчезает⁷. Это наблюдение представляет значительный интерес, хотя трудно установить степень его типичности. Предпринималась, далее, попытка проследить соотношение мужского и женского населения в составе зависимого крестьянства отдельных регионов⁸.

Применение соответствующих методик, безусловно, способствует пониманию движения зависимого крестьянского населения в Византии эпохи Палеологов, однако изменения в именах зависимого крестьянского населения на территории общины могли быть вызваны разнообразными причинами. Не исключены переселения париков в другие места при условии прекращения податной ответственности по прежнему местожительству. Изменение имен могло быть следствием смерти прежних владельцев и передачи выморочного имущества другим владельцам и т. п.

Для изучения характера и особенностей собственно миграционных процессов, характерных для зависимого крестьянства, большое значение имеет рассмотрение содержащихся в византийских практиках прямых и косвенных свидетельств об их переселениях. Эти данные позволяют констатировать наличие в период Палеологов двух групп проскафименов. Одна

⁶ *Lavra*, III, N 118. P. 5.84—85, 5.93—94 (иногда проскафимены-парики; см.: *Ibid.* P. 6.139—140); N 126. P. 32.28—31; N 127. P. 34.7—8, 34.18—19; N 136. P. 66. 164—170; N 155. P. 134.22, 26; N 159. P. 147.34; N 161. P. 157. 20—21; N 162. P. 162.9; N 165. P. 173.20: *Actes de Xénophon / Publ. par L. Petit // BB*, 1903. X. Прил. N 1, 3; *Actes de Docheiariou / Ed. N. Oikonomides. P.*, 1984. N 45. P. 247; N 53. P. 277; № 17. P. 275.

⁷ *Dölger F.* Op. cit. S. 25.

⁸ *Laiou-Thomaïakis A. E.* Op. cit. P. 267—298.

группа — это проживающие в той же общине, где они несут податную ответственность⁹. Эти проскафимены, видимо, происходили в основном из поселившихся на территории владений крупного собственника элевтеров или ксенов, «неизвестных казне». Другая группа проскафименов представлена лицами, которые переселились на новое место, а подати платят по старому местожительству. Вторая группа проскафименов в отличие от первой менее изучена. Она-то и составляет в основном объект настоящего исследования.

Наряду с прямыми указаниями практиков о проскафименах — переселенцах на другую территорию, сохраняющих податную ответственность в данной общине, о них имеются и косвенные данные. Таковы многочисленные свидетельства о наличии у зависимых крестьян-париков земли (чаще всего виноградников), расположенной в разных частях данного села, а также в разных селах. Об этом же говорят иного рода факты — покупка, обмен крестьянами имущества и все те сведения о различных новых центрах крестьянской хозяйственной деятельности, о которых речь пойдет ниже.

Интерпретация прямых свидетельств о переселениях зависимых крестьян позволяет сделать следующие выводы. Из 30 проскафименов, переехавших в другие места (в хорионы или Фессалонику) и зафиксированных в практике Лавры от 1321 г., содержащем опись владений в феме Фессалоника, 15 были полностью неимущими¹⁰. У 5 имелось небольшое хозяйство¹¹, у 10 оно было более значительным¹². Свыше половины переселившихся в другие хорионы или Фессалонику являлись, как видно, бедными (к тому же малосемейными). Очевидно, они окончательно переселялись и лишь числились в кадастрах по прежнему местожительству налогоплательщиками. Именно отсутствие имущества, невозможность нести тягло и жить на старом месте — это, видимо, основная причина переселения, когда тягло сохранялось по прежнему местожительству. Данная черта — сохранение податных обязательств — отличала проскафименов подобного рода от беглых париков и элевтеров или ксенов, «неизвестных казне». Такие проскафимены обычно становились арендаторами в других общинах (арендаторы — ксенопарики) или уходили в город (подробно — ниже). Иногда они, переселившись, обзаводились хозяйством в новой общине или устраивались в другой части той же общины благодаря вторичному наделению землей, которую получали от собственника¹³. Такое наделение осуществлялось из резерва земель, ранее не поделенных на стаси, или за счет стасей беглых париков, либо из каких-либо заброшенных земель, или из выморочного имущества.

Новый хозяйственный центр зависимого крестьянина мог в отдельных случаях возникнуть в результате создания хозяйственного комплекса на периферии села (*καθ᾽ ἕδρα*)¹⁴ или приобретения экзохорафия, т. е. земли, также расположенной на окраине общины. Иногда это был не пахотный надел, а земли под виноградником или сады.

Что же касается тех проскафименов рассматриваемой группы, которые располагали некоторым имуществом, особенно недвижимостью, то вследст-

⁹ Actes de Docheiarion. N 21. P. 162.34; N 19. P. 147.11—15; N 20. P. 157.42—46. Иногда эти проскафимены называются париками-проскафименами (№ 22. P. 165.20; № 58. P. 294.4). Мигрирующим населением могли быть и беглые парики (Lavra. III, № 167. P. 182.31), а также свободные собственники, продававшие, покупавшие, обменивавшие земли.

¹⁰ Lavra, II, № 109. P. 225.53, 227.99, 234.225, 236.266, 237.270, 237.271, 243.372—373, 246.425, 247.441, 248.470—471, 250.499, 260.678—679, 269.835—836, 270.887—888, 277.987.

¹¹ Ibid. P. 237.278—279, 237.280—281, 242.369—370, 248.465, 249.476—477, 273.896.

¹² Ibid. P. 228.125—126, 248.465—466, 251.516—517, 251.519—520, 269.822, 270.843—844; 270.885—886. Ср. также: Lavra, II, № 91. P. 103.36—37, 104.51—52; 105.63, 112.181—182, 114.214.

¹³ Svoronos N. Le domaine de Lavra sous les Paléologues. P. 168.

¹⁴ Например: Lavra. II. P. 272.893—894. См.: Вун Ю. Я. Социально-экономическое содержание термина *καθ᾽ ἕδρα* византийских документов // ВВ, 1983.44.

вие их переселения в другие районы и образования новых очагов экономической деятельности хозяйство, связанное с прежним местожительством указанных крестьян, не только сохраняло фискальное значение, как у неимущих проскафименов, но и продолжало свое экономическое развитие. У таких проскафименов складывались два (или, может быть, более) центра хозяйственной деятельности.

Крестьяне, у которых отсутствовало недвижимое имущество, но имелся тягловый скот, перемещаясь на территорию другой общины, фактически могли, подобно полностью неимущим, целиком порвать со своим прежним хозяйством и превратиться в арендаторов земли того же собственника¹⁵, от которого они и первоначально зависели, или же в арендатора, или парика иного собственника. В последнем случае они становились ксенопариками или дважды париками¹⁶, но для прежнего собственника оставались париками, обязанными всеми паричскими повинностями, несмотря на то что семья парика уже не проживала на том месте, по которому она (во всяком случае, некоторое время) продолжала числиться в государственных кадастрах как налогоплательщица.

Таким образом, вследствие перемещения либо появлялись новые центры хозяйств зависимых крестьян, тогда как старые сохраняли лишь фискальное значение, либо возникало несколько таких параллельно функционирующих центров. Подобные явления определяли существо сложной перестройки отношений крестьянского землепользования, которая характерна для Византии XIV—XV вв. Эта перестройка состояла в падении социально-экономической роли собственно паричского хозяйства старого типа, т. е. хозяйства, которое сосредоточивалось на крестьянской стаси, расположенной вблизи домов (а не за пределами хорiona), было обязано уплатой государственных налогов и выполнением ряда характерных паричских повинностей (барщина, натуральные сборы). Преимущественную роль стали играть хозяйства на арендованной земле и хозяйственные центры, возникшие за пределами деревни. Причиной названной перестройки, происходившей благодаря миграционным процессам, было то, что большинство зависимых крестьян в рассматриваемый хронологический период или имело незначительные наделы пахотной земли, или вообще не имело пахотной надельной земли на паричском праве. В то же время многие из тех, кто не располагал пахотной землей, имели тягловый скот. Сочетание двух названных факторов (отсутствие надельной пахотной земли и наличие тяглового скота) при условии, что прикрепленные к тяглу крестьяне могли свободно перемещаться по территории близлежащих поселений, приводило к распространению аренды ими пахотной земли.

Интерпретация косвенных сведений о переселениях зависимых крестьян, т. е. данных о наличии нескольких центров крестьянского хозяйства, позволяет высказать предположение о том, что в некоторых случаях переселялись члены крестьянской семьи, тогда как ее глава оставался в прежнем владении. Именно поэтому подобные переселения, возможно, и не зафиксированы в практиках.

Употребление в них для обозначения зависимых крестьян наряду с наименованием парика также таких выражений, как апор, птох, люди и др., является, очевидно, косвенным свидетельством потенциальной неустойчивости социального слоя париков. В рассматриваемый период консолидация крестьянского сословия происходила отнюдь не в результате повышения социально-экономической роли парикии. Напротив, эта

¹⁵ Lemerle P. Agrarian History. . . P. 38, 206; Svoronos N. Le domaine de Lavra sous les Paléologues. P. 162, 167; Actes de Lavra, II, N 71. P. 10, 70; III, N 123. P. 25, 133; Actes de Chilandar / Publ. par L. Petit et B. Korabiev. Première partie. Actes grecs // ВВ, 1911. 17. Прил. I, № 92; ММ, IV. P. 145.18, 218.8, 220.1; Angold M. A. Byzantine Government in Exile. Government and Society under the Laskarids of Nicaea (1204—1261). L., 1975. P. 141.

¹⁶ Lavra, III, N 118. P. 6.100, 117; Хвостова К. В. Судьбы парикии и особенности налогообложения в Византии XIV в. // ВВ, 1978. 39.

консолидация была следствием падения ее роли и результатом распространения различных форм крестьянского землепользования, отличных от паричского держания и утверждавшихся благодаря миграции сельского населения — как элевтеров и ксенов, не учтенных казной, так и зависимых крестьян.

Вследствие миграции зависимых крестьян, как и в результате перемещений элевтеров — бывших собственников или париков, появлялись покинутые земли и заброшенные поселения¹⁷. Вновь возникшие центры хозяйственной деятельности крестьянина свидетельствовали о наличии некоторых элементов внутренней колонизации. Безусловно, эти элементы не могут быть сопоставлены с внутренней колонизацией на Западе XII—XIII вв., имевшей существенные социально-экономические и демографические последствия. В отличие от Запада в Византии рассматриваемого времени подобные явления не только не были массовыми, но и не захватывали большой территории. Кроме того, отдельные проявления внутренней колонизации в Византии позднего времени по своему значению не идут также ни в какое сравнение и с известными фактами аналогичных процессов, относящимися к предшествующему периоду истории Византии¹⁸, когда колонизация осуществлялась по инициативе государства и приводила к образованию новых поселений. Однако и элементы внутренней колонизации в поздневизантийский период не могут быть сброшены со счетов, так как они, будучи связанными с миграцией зависимых крестьян, отражали динамику в системе зависимого крестьянского землепользования.

Миграционные процессы зависимых крестьян оказывали влияние и на развитие семейных отношений. Проскафимены, проживающие в других общинах, были, как правило, малосемейными. Малочисленной была обычно семья у элевтеров и ксенов, «неизвестных казне».

Кроме того, прямые данные о переселении крестьян в города или в другие общины свидетельствуют о том, что обычно переселялась глава семьи, образовавшейся в результате разделения некогда существовавшей большой семьи. Проскафименами являлись обычно сыновья, братья, зятья и другие родственники главы бывшей неразделенной большой семьи.

Имущественное положение семьи, отдельные члены которой переселялись в другие общины, было сложным. Семья в силу такого переселения разделялась и практически не могла осуществлять совместного ведения хозяйства. Возникали многочисленные владения, составлявшие части прежде единого хозяйства¹⁹.

Все эти факты показывают, что, хотя в Византии существовало развитое брачное имущественное право, имевшее давние традиции и признававшее совместное распоряжение имуществом супругами²⁰ (об этом свидетельствуют многочисленные купчие XIV—XV вв., в которых содержатся совместные заверения супругов о продаже земли), реализация его для зависимых крестьян наталкивалась на ряд трудностей, поскольку развивалась и противоположная тенденция — дробление имущества, возникновение хозяйств, сосредоточенных на части прежнего владения, и появление новых хозяйственных центров в других общинах.

Переселения зависимых крестьян имели значение не только для судеб самих крестьян, но находились в прямой связи с развитием крупной

¹⁷ См., например: Lavra, II, N 73, P. 20.69; III, N 127. P. 34.6, 18—19; В документе XV в., относящемся к владениям Дохиарского монастыря, содержатся данные о разорении собственников (Actes de Docheiariou. N 59. P. 298.1—3). Заброшенные земли неоднократно упоминаются в практиках. Иногда речь идет о покинутых крестьянских стадах или ипостадах.

¹⁸ На завоеванных территориях образовывались фемы; жители (иногда пленники) селились как стратиоты (*Lemerle P. Agrarian History. P. 133*).

¹⁹ Lavra, II, N 109, passim; III, N 139. P. 80, 104; N 139. P. 78.9; P. 79.87, passim.

²⁰ *Margellic R. Bizantsko bračno imovinsko pravo u svjetu novele XX Lava Mudroga (S osobitim obzirom na razvoj bračnoga imovinskog prava u srednjovekovnim dalmatinskim gradskim općinama) // ЗРВИ, 1978. 18. С. 49—50.*

собственности. Известно, какую роль играло для крупного собственника поселение ксенов, «неизвестных казне», и элевтеров на территории принадлежавших ему владений.

В XIV и особенно в XV вв. разворачивается острая борьба государства, монастырей и прониаров за доходы, земли и зависимых крестьян. В этих условиях перемещения элевтеров и ксенов, «неизвестных казне», поселение их на территории определенного собственника становится одним из средств обеспечения соответствующего владения рабочей силой и доходами. В плане характеристики борьбы между государством, монастырями и прониарами за землю, государственные налоги и рабочие руки интересна серия документов, относящихся к владениям Лавры св. Афанасия, расположенным в феме Фессалоника.

В хрисовуле Иоанна VII Палеолога от 1404 г. сообщается, что монастырь Лавра в течение долгого времени владел хорионом Дримосирта в Каламарии, но вследствие волнений и беспорядков²¹ половина владения перешла к казне. Своим хрисовулом император гарантирует монастырю в будущем неограниченное владение названным хорионом, правда, на условии некоторого ограничения иммунитетных привилегий, но с правом селить ксенов, «неизвестных казне»²². В районе Рентины монахи Лавры временно утрачивали свой метох Сикаи. Он также был присоединен к фиску, но впоследствии владение вновь передается монастырю с освобождением от всех повинностей и притеснений со стороны прониаров. Монастырь получает право селить ксенов, «неизвестных казне»²³.

Однако в императорских хрисовулах речь идет только о ксенах и элевтерах, поскольку, будучи поселенными на территории определенного владения, они в дальнейшем прикреплялись к тяглу и становились налогоплательщиками. Проскафимены — зависимые парики из других владений, — переселяясь в новую общину, числились как налогоплательщики по прежнему месту жительства. Миграция лиц, принадлежавших к этому слою, не была связана с изменением в налоговых кадастрах и в меньшей степени интересовала государство. Поэтому проблемы переселения париков получили отражение в практиках, фиксировавших реальное положение вещей во владениях того или иного собственника. Очевидно, однако, что переселение в определенную вотчину ксенопариков в качестве арендаторов также составляло объект борьбы крупных собственников за крестьян и доходы²⁴.

В отличие от поселения на территории крупных владений элевтеров и ксенов, «неизвестных казне», которое осуществлялось при посредстве государства, предоставлявшего собственникам соответствующие права, борьба за привлечение арендаторов-ксенопариков во многом разрывалась вне государственной поддержки.

Особый интерес представляют временные или постоянные переселения зависимых крестьян из сел, прилегавших к крупным городам (например, к Фессалонике), в эти города. Такие переселения обуславливались слож-

²¹ Lavra, III, N 155. P. 134.17.

²² Ibid. P. 134.30—31. Позднее Лавра сосредоточила у себя все фискальные права на данное поселение, произведя обмен с фиском.

²³ *Svoronos N. Le domaine de Lavra.* . . P. 52; Lavra, III, N 161; N 165. P. 173.13. Право Лавры селить свободных людей подтверждается многими документами. См.: Lavra, III, N 127. P. 34.7—8, 18—19; N 155. P. 134.27; N 161. P. 159—50—51; ср. например. Actes de Kultumus. P., 1945. N 10. P. 60.82—83; N 11. P. 63.40.

²⁴ Борьба за доходы между государством, прониарами и крупными монастырями — одна из характерных черт социальных коллизий второй половины XIV—начала XV в. Она, естественно, не сводилась к тяжбам за поселение людей на территории соответствующих владений. Владения крупных монастырей и прониаров нередко переходили из рук в руки. *Svoronos N. Le domaine de Lavra.* . . P. 52; Actes de Docheiariou. . . N 13. P. 125; N 14; N 15. P. 130; N 121. P. 161; N 22. P. 164; N 26. P. 185—186; N 27; N 41. P. 233. Иногда возникали своеобразные формы совладения монастырей и прониаров Actes de Docheiariou. . . N 53. P. 277.20—30. Кроме того, нехватка у казны средств и государственных земель приводила к тому, что государство иногда пыталось использовать государственные налоги с монастырских владений или сами владения в качестве жалованья прониарам. Actes de Docheiariou. . . N 53. P. 277.

ными имущественными и торговыми взаимоотношениями города и его округа²⁵. Документы, относящиеся к владениям Лавры св. Афанасия, позволяют несколько углубить понимание вопроса. В практике 1321 г., содержащем опись ее владений в феме Фессалоники, упоминаются земли, которые были проданы монастырскими париками жителям Фессалоники и с которых Лавре по-прежнему поступал паричский телос, а кроме того — пакт²⁶. Зафиксированы и владения, приобретенные монастырем у жителей Фессалоник²⁷. Среди территорий, которые граничили и располагались чересполосно с монастырскими, упоминаются и земли проиаров, и виноградники горожан²⁸.

Актовый материал свидетельствует о наличии в городе, в частности в Фессалонике, метохов, хорафиев и виноградника, принадлежавших монастырям, равно как и монастырских домов, магазинов, мастерских²⁹. Здесь жили зависимые от монастырей парики, арендаторы и проскафимены из других монастырских владений. Среди переселенцев в другие места упоминается ряд проскафименов в Фессалонику³⁰.

Положение во многих городах в XIV и XV вв. так же, как и в сельской местности, было достаточно нестабильным³¹. В последние годы высказывалось мнение, согласно которому, несмотря на известный экономический спад, экономика отдельных городов (включая Константинополь и особенно Фессалонику) сохраняла черты активной жизнедеятельности³². Думается, что решение вопроса об уровне экономического развития городов зависит от общих критериев понимания развития, стагнации, упадка. Несомненными в то же время представляются следующие факты. С одной стороны, документы свидетельствуют о неоднократных экономических, в частности продовольственных, трудностях городов (в том числе и Константинополя)³³. В условиях обострения внешней опасности в XV в. даже такие крупные привилегированные соборники, как афонский монастырь Лавры св. Афанасия, были не целиком освобождены от обязанности оказывать Константинополю помощь продовольствием³⁴. Существует точка зрения, что до 40-х годов XIV в. монополия генуэзцев в снабжении Константинополя хлебом была неполной³⁵. Видимо, она не

²⁵ *Hrohova V.* Aspects sociaux et économiques de la décadence des villes byzantines a l'époque des Paléologues // Actes du XIV Congrès International. Buc., 1975. Vol. II. P. 129, 131.

²⁶ *Lavra*, II, N 109. P. 275.945—946, 276.952—953.

²⁷ *Ibid.* N 89. P. 74.119—120; III, N 118.117, 118.141.

²⁸ *Lavra*, II. P. 6.117.

²⁹ *Ibid.*, № 71. P. 10.70—71; № 123. P. 25.127—128; Actes de Docheiariou. . . № 47. P. 251. *Поляковская М. А.* Городские владения провинциальных монастырей в поздней Византии // ВВ, 1964. 24; *Она же.* Рост монастырских владений в Фессалонике и ее пригородном районе в XIV—XV вв. // АДСВ, 1963. 3.

³⁰ *Lavra*, II, N 109. P. 225.53, 234.225, 237.271, 246.425, 243.372—373, 246.425.

³¹ *Ibid.*; *Maksimović I.* Charakter der sozial-wirtschaftlichen Struktur der spätbyzantinischen Stadt (13—15 Jh.) // XVI. Internationaler Byzantinistenkongress. Akten, 1/1. Wien, 1981. S. 151.

³² *Карпов С. П.* Особенности развития поздневизантийского города — эмпория: Трапезунд в XIII—XV вв. // ВО. 1977. С. 79—106; *Она же.* Рец. на статью: *Laiou-Thomadakis A. E.* The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System, Thirteenth-Fifteenth Centuries. (DOP, 1980—1981. Vol. 34/35) // ВВ, 1984. 45. С. 249—250.

³³ *Maksimović I.* Charakter. . . S. 153 ff.; *Matschke K.-P.* Geldgeschäfte. Handel und Gewerbe in spätbyzantinischen Wirklichkeit // Jahrbuch der Geschichte des Feudalismus. B., 1979. Bd. 3. S. 181—204; *Шумиков М. М.* Торговля продовольствием в Константинополе и его окрестностях в первой половине XV в. // АДСВ. 1972. 8. С. 101 и сл.

³⁴ *Lavra*, III, N 157. P. 142.17—19. Документ отражает ситуацию, когда после битвы при Анкаре в 1402 г. появилась передышка. Византия пыталась использовать ее: особое значение придавалось различным способам снабжения Константинополя зерном. См.: *Matschke K. P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1981. S. 142. О продовольственных трудностях византийских городов во Фракии пишет Никифор Григора. См.: *Nicephori Gregorae Byzantina Historia*. Ed. 2. Bonnae, 1830. Vol. II. P. 683.5.

³⁵ *Laiou-Thomadakis A. E.* The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System. . . P. 193.

являлась абсолютной и в тяжелые времена начала XV в. Определенную роль играли взаимосвязи города с его округой, функционировал своеобразный внутренний рынок, зерно привозилось и с Лемноса. Этот рынок, как видно, контролировался государством. В отдельные периоды монастыри также покупали зерно³⁶, в том числе и у светских собственников, проживающих в городе³⁷. Все эти явления отражали те сложные взаимосвязи города и сельской округи и более отдаленных сельских районов, одним из факторов которых (взаимосвязей) были временные и постоянные переселения зависимых крестьян из сельской местности в города.

Наряду с этим, с другой стороны, случаи переселений в город обедневших париков, сохранявших свои обязанности налогоплательщиков по прежнему местожительству, но искавших средств к существованию в Фессалонике, по-видимому, одно из косвенных свидетельств более благополучного положения в городе, чем в его округе, где проблема обеспечения зависимых крестьян землей приобретала все большую остроту. Крестьяне переселялись и бежали также в центры железодельного производства. Возможно, соответствующие шахты и мастерские предоставляли беглым право убежища³⁸.

Не только отдельные горожане имели в сельской местности земли, расположенные чересполосно с монастырскими, но и города располагали целыми селами, приписанными к городу. В этом отношении характерны данные хрисовула Андроника II Палеолога г. Янине от 1319 г., подтверждающего права города на 24 окрестных села³⁹. В хрисовуле деспота Федора II Монемвасии говорится о праве города поселять на своей территории крестьян⁴⁰.

Специфика взаимоотношений города и деревни в Византии не раз отмечалась в литературе. Представители земельной аристократии жили в городах. В административном отношении город не отличался от сельскохозяйственной округи. Привилегии городу напоминали привилегии, которые жаловались собственнику доменов и держаний зависимых крестьян⁴¹. Из привилегий весьма важным было освобождение от податей. Поземельные отношения в городе регламентировались теми же правилами, что и в сельскохозяйственной округе. В городе, окруженном стенами, т. е. имеющем по сравнению с сельской местностью ограниченную площадь, большую роль играло право близости⁴². Существовала, как и в сельской местности, коллективная податная ответственность и коллективное владение определенными землями⁴³.

В специфических условиях византийской действительности город стал центром социальной борьбы, в которую, естественно, могли быть вовлечены и переселенцы из сельской местности. Миграция зависимых крестьян находилась в тесной связи с такой формой крестьянского сопротивления налоговой эксплуатации в деревне, как бегство, результатом чего было пополнение мигрирующего слоя элевтеров.

Итак, миграционные процессы в Византии, охватывавшие не только ксенов, «неизвестных казне», элевтеров и беглых париков, но и париков, прикрепленных к тяглу и осуществлявших «легальные» переселения, оказывали значительное влияние на развитие аграрных отношений. В тесной связи с этими процессами происходили изменения в крестьянском землепользовании, развитие форм эксплуатации и хозяйствования, различных

³⁶ Lavra, III, N 123. P. 25, 157—160.

³⁷ Ibid. N 145. P. 99.5.

³⁸ Ibid. N 128. P. 36, note.

³⁹ MM. V. P. 77—84.

⁴⁰ MM. V. P. 170—175.

⁴¹ Максимовић Љ. Византијска провинцијска управа... С. 79, 160.

⁴² Lavra, III, N 153. P. 127.7—8. Ср.: Вин Ю. Я. Право предпочтения в поздневизантийской деревне // ВВ. 1984. 45.

⁴³ Actes de Chilandar. N 31.26, 62.26, 63.29. О налогообложении города см.: Литаврин Г. Г. Провинциальный византийский город на рубеже XII—XIII // ВВ. 1976. 37. С. 17—29; Он же. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 117—119.

от парикии, формирование характерных взаимосвязей крупных городов с их округой и перенесение центров социальных конфликтов в город.

И в заключение еще несколько замечаний о социальном значении миграций париков. Имеющиеся в практиках данные не позволяют составить исчерпывающего представления о размахе этого миграционного движения, ибо относятся только к переселению главы семьи. Наличие косвенных сведений о возможных переселениях членов семьи, т. е. все содержащиеся в источниках упоминания о нескольких центрах крестьянского хозяйства, означают, что действительный размах миграций париков был большим, чем это следует из прямых упоминаний об их переселениях. Однако все «легальные» переселения, выявляемые на основе прямых или косвенных свидетельств, имеют одну общую черту. Они обычно происходили в ограниченном радиусе, распространяясь на данную общину, или охватывали небольшую территорию соседних общин либо соседнего города⁴⁴. Очевидно, переселения в отдаленные районы, как правило, становились нелегальными и считались бегством⁴⁵. Парик в этом случае отказывался от уплаты податей и исполнения повинностей, а значит, подлежал возвращению на прежнее место жительства⁴⁶ или же через некоторое время попадал в разряд элевтеров. Среди тех переселенцев, которые перемещались на сравнительно значительные (до 40 км) расстояния, видимо, преобладали эмигранты из сельской местности в Фессалонику. Можно предположить, что пребывание на новом месте таких проскафименов оказывалось длительным.

Ряд византинистов отстаивают тезис о свободном положении поздневизантийских париков⁴⁷, считая при этом, что парики и свободные колоны позднеримского и ранневизантийского периодов были генетически связаны друг с другом. Парики, по мнению этих ученых, не были прикреплены к земле и могли свободно перемещаться. Однако реальные возможности их «легальных» перемещений распространялись, как правило, только на незначительное расстояние, следовательно, податные обязательства по определенному местожительству влекли за собой установление фактически тесной связи с этим местожительством и с собственником земли. На практике переселения зависимых крестьян в отдаленные местности были очень затруднительными. В силу этого оказывалась ограниченной и их личная свобода. В советской византиноведческой литературе отмечались и другие случаи ограничения свободы парика. Парика можно было передать крупному собственнику⁴⁸ с землей, а иногда, возможно, и без земли⁴⁹ или проиару.

Кроме того, рассматриваемый хронологический период характеризуется переплетением и сращиванием публичноправовых и частноправовых функций управления⁵⁰. Данный процесс особенно явно сказывался в развитии так называемых апанажей и некоторых видов передаваемых по наследству проний. В этих условиях трудно было, допустим, отделить частный суд от государственного. Кроме того, происходило размывание

⁴⁴ Lefort G. Villages de Macédoine. La Chalcidique Occidentale. P., 1982. Ср.: Svoronos N. Le domaine de Lavra sous les Paléologues // Lavra, V. IV, cartes.

⁴⁵ О переходе проскафименов из одного владения в другие метохии того же собственника (Лавры св. Афанасия), расположенные на Лемносе, говорится в простагме Мануила II Палеолога от 1405 г. См.: Lavra, III, N 157. P. 142.4. Возможно, имеется в виду редкий случай легального переселения париков в отдаленные районы.

⁴⁶ Lavra, II, N 71. P. 9.37—39; III, N 118. P. 5.99—100; Dölger F. Sechs byzantinische Praktika. . . // RV. S. 119.235—237.

⁴⁷ Lemerle P. Agrarian History. . . P. 205; Weiss G. Formen von Unfreiheit in Byzanz im 14. Jahrhundert // Actes du XIV^e Congrès International des Etudes Byzantines. Buc., 1974. S. 293; Karajannopoulos J. Ein Problem der Spätbyzantinischen Agrargeschichte // JÖB, 1981. Bd. 30.

⁴⁸ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство. . . С. 69; ср.: MM. IV. P. 5. Парика можно было превратить в стратигота. См.: Соловьев А., Мошин В. Грчке повеље српских владара. Београд, 1936. № 21.20—77.

⁴⁹ См., например: Actes de Docheiariou. . . N 45. P. 247.

⁵⁰ Максимовић Љ. Византијска провинцијска управа. . . С. 97.

некогда четкой грани между публично-правовыми и частноправовыми податями. Распространяется ряд податей (например, десятина с зевгарей), которые вряд ли можно однозначно отнести к публично-правовым или частноправовым. Они включали признаки и тех и других. Все это способствовало появлению скрытых юридически неоформленных форм личной несвободы париков.

Сочетание поземельной зависимости с прикреплением к тяглу и с развивающимися и устойчивыми, хотя и скрытыми, т. е. юридически неоформленными формами личной несвободы и обуславливало, как отмечалось, принятую в советской историографии характеристику париков как феодально зависимых крестьян.

Впрочем, вряд ли можно категорически утверждать, что личная несвобода парика не получила никакого отражения в правосознании современников. Тот факт, что парики могли поселяться на территории чужих владений только в качестве ксенопариков, становясь арендаторами, а иногда дважды париками, т. е. сохраняя свой статус париков, в ином же случае подлежали возвращению на прежнее место жительства, отражает не только заботу о сохранении *status quo* в поступлении налогов, но и стремление сохранить на территории владения как можно большее число рабочих рук. А это стремление всегда означало тенденцию к оформленному или не оформленному в юридическом отношении ограничению личной свободы. Характерно, что при продаже париками их наделов, т. е. в случае, когда подати за соответствующие земли поступали уже не с париков, а с покупателей земли⁵¹, сами парики, видимо, по-прежнему оставались на территории владения и исполняли паричские повинности.

Предписание о возврате беглых париков контрастирует с ситуацией, в которой при аналогичных условиях оказывались собственники земли. Они также были занесены в государственные кадастры и, как и парики, нередко разорялись⁵², не могли платить налоги и покидали свои земли, но не подлежали принудительному возвращению⁵³.

Это обстоятельство подтверждает предположение о том, что в византийском правосознании XIV—XV вв. личная свобода париков и личная свобода собственников не воспринимались как полностью идентичные состояния.

Однако в данный период вследствие отмеченной перестройки отношений крестьянского землепользования, происходившей в условиях нехватки наделной земли, парикия не играла большой роли. Аграрные отношения начинают определяться арендой и иными формами крестьянского землепользования, правовая структура которых иногда была аморфной. Это означает, что такой фактор аграрного развития, как нехватка рабочих рук, — а его воздействие в перспективе могло привести к появлению более четких правовых форм ограничения личной свободы париков — в условиях кризиса парикия стимулировал иные социальные процессы: развитие хотя и лимитированных по пространственному ареалу, но значительных числом миграций, которые охватывали как население, порвавшее со своими налоговыми обязательствами, так и париков и других представителей зависимого крестьянства, птохов, апоров и т. д.

⁵¹ Lavra, II, N 109. P. 275.945—946, 276.952—953.

⁵² Actes de Docheiariou. . . N 59. P. 298.1—3.

⁵³ Свободные налогоплательщики не могли также быть изгнаны или переселены. См.: ММ, V. P. 77—84.